

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПЕРЕВОДУ

Ю.К. Воробьев, зав. кафедрой теории речи и перевода
МГУ им. Н.П. Огарева, профессор,

А.Н. Злобин, докторант кафедры теории речи и перевода МГУ им. Н.П. Огарева

Статья посвящена культурологическому подходу к переводу, его изучению с ценностно-ориентированных позиций в контексте XVIII в. Этот период является основным в развитии отечественной переводческой традиции. Анализ метатекстов, замечаний и комментариев переводчиков позволяет получить сведения, релевантные для современной теории перевода и способствующие гармонизации переводческой картины мира.

The article presents culturological approach to the process of translation, i.e. its study from the value-oriented and semantic positions in the XVIII century general chain of events. This century is considered to be the fundamental period in the development of the Russian translating tradition. The analysis of the metatexts, forewords, event notifications and commentaries made by the translators of that time allows us to achieve data, relevant to the contemporary theory of translation. It also promotes harmonization of the translation picture of the world.

В современном переводевании достигнуто понимание того, что сущность межкультурного перевода в значительной мере определяется факторами культуры. Культурология как парадигма XXI в. впервые дает новый метод образования, заключающийся в познании явлений не в качестве подлежащих отдельному рассмотрению, а в качестве изучаемых с позиций их ценностно-смысловой значимости в общей цепи событий. Сегодня вся получаемая информация в системе образования (знание) должна быть культурологически обусловлена и культуровостребована... Знание, преподаваемое с учетом его роли и места в конкретной культуре, может не только поднять на более высокий уровень статус знания вообще, но и способствовать дальнейшему единению процессов образования, воспитания и становления человека как личности, так как образование в данном случае выполняет функцию формирования мировоззренческой позиции личности, вооружая человека национальной идеей. Знание, даваемое образованием, должно не только запоминаться и усваиваться, но и переживаться. Будущий специалист (в нашем случае переводчик) должен понимать знание и уметь практически творчески применять его в конкретных условиях. От того, насколько быстро система образования войдет в новую парадигму, во многом зависит и успех осуществляемой в ней реформы (см.: Каржаницкая Т.В. Культурология как парадигма XXI века / [www:http://kulturolog.narod.ru](http://www.kulturolog.narod.ru)).

Как известно, к понятию «культура» можно подходить с различных точек зрения. Особенно значимым для нас представляется то, как структурируется это понятие в ключе переводческих исследований. Анализ теоретических работ показывает, что в последнее время транслатологи стали обращать особое внимание на перевод как культурологическое явление. Положительным в этой связи надо назвать то, что подчеркивается важность культурологического подхода к переводу (см.: Хайрулин В.И. Культура в парадигме переводевания // Тетради переводчика: Науч.-теорет. сб. Вып. 24. М., 1999. С. 38—45). Широта взглядов, справедливо отмечает М.Я. Цвиллинг, способность подойти к этому явлению (переводу) с самых разных сторон, живой синтез взаимопроникающих и взаимооплодотворяющихся подходов — вот оптимальные требования к переводеванию в сегодняшних условиях (см.: Цвиллинг М.Я. Переводоведение как синтез знания // Там же. С. 32—37).

Представляется целесообразным отметить, что, несмотря на серьезные успехи науки о переводе на пути от периферийной отрасли литературно-лингвистических исследований до широкого разветвленного междисциплинарного научного направления, описывающего и объясняющего фундаментальные аспекты переводческой деятельности, она так и не выработала общий методологический подход и общую эпистемологическую основу. В результате построение те-

© Ю.К. Воробьев, А.Н. Злобин, 2003

оретических моделей перевода сводится исключительно к тавтологическому повтору все более и более сложных формальных и терминологических схем, в действительности ничего нового не обозначающих и не объясняющих (см.: Сальмон Л. О перспективах развития переводоведения в рамках новейших научных направлений // Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы 3-й Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения», 26—28 октября 2001 г. СПб., 2002. С. 436—449).

Особое значение приобретает выделение В.Н. Комиссаровым в качестве приоритетных таких направлений исследований, как изучение переводческой деятельности и историческое осмысление переводческих концепций (см.: Комиссаров В.Н. Советское переводоведение на новом этапе // Тетради переводчика: Науч.-теорет. сб. Вып. 23. М., 1989. С. 3—14). Экскурс в историю и теорию переводческой традиции необходим, поскольку историческая память хранит много поучительного. Поэтому приходится вновь и вновь обращаться к опыту прошлого; вопрошая прошлое, мы глубже понимаем настоящее. Изучение прошлого помогает расставить вехи на избранном пути, и великие исторические события и лица, здесь задействованные, дают немало поучительного в этом отношении. Мы все в долгу перед своим прошлым, слишком многое было предано забвению или грубо искажено. Сильнее всего пострадали как раз наиболее значимые страницы нашей истории, особенно опыт управления державой, экономикой, производством, культурой.

Вслед за Ю.М. Лотманом будем считать, что культура — это совокупность ненаследственной информации, которую накапливают, хранят и передают разнообразные коллективы человеческого общества. Понимание культуры как информации позволяет исследовать как отдельные этапы культуры, так и всю совокупность историко-культурных фактов в целом. Таким образом, весь материал истории культуры может рассматриваться с точки зрения определенной содержательной информации (см.: Лотман Ю.М.

К проблеме типологии культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 56—57).

Рассматривая культуру хронологически, во взаимосвязи разных видов предметной деятельности, мы убеждаемся, что в различные исторические периоды взаимоотношение этих видов меняется. Что касается перевода как вида интеллектуальной деятельности, то обнаруживается, что в России именно перевод давал нам основную массу позитивных знаний. На основе этой переводческой деятельности и развивались собственно научные исследования. Как известно, особенно это проявилось в XVIII в., который принято считать золотым веком российской истории, когда вопросами перевода занимались в той или иной степени как VIP-персоны (Петр I, Екатерина II, М.В. Ломоносов и другие выдающиеся представители науки и искусства), так и VUP-персоны (very important persons and very unimportant persons). Следует подчеркнуть, что Московское государство уже при царе Алексее Михайловиче сознательно готовилось вступить в «ранг первоклассной европейской державы», в который оно и было в конце концов возведено его великим сыном (см.: Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 141).

Реформы Петра Великого значительно расширили экономические и культурные контакты Москвы с европейскими странами, создав потребность в многочисленных переводах научно-технических текстов, равно как и произведений художественной литературы. К переводам стали предъявлять высокие требования, о чем свидетельствует специальный указ царя Петра, требующий внятной передачи переводимого содержания. В этот период только начала складываться литературная норма русского языка и многие образованные люди видели в переводах средство обогащения своего языка, увеличения его семантического и экспрессивного потенциала (см.: Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Курс лекций. М., 2000. С. 97).

При подходе к культуре как к предмету научного описания следует учиты-

вать иерархический характер этого явления: факты и тексты, естественно, отличаются большой пестротой и труднее сводятся к некоторым единым характеристикам, чем метауровни, уровни описания. На определенных этапах развития культура неизбежно создает свое собственное теоретическое представление о себе, модель самой себя. Такой «автопортрет» культуры, считает Ю.М. Лотман, устраняет из ее облика ряд черт, несущественных и лишенных значения с позиции ее осмысления. Он, конечно, последовательнее, прямолинейнее и упрощеннее пестрой картины, развертывающейся перед наблюдателем непосредственной «жизни» культуры данного этапа (в нашем случае XVIII в.), ибо только будучи более упрощенной такая концепция может реализовать свою моделирующую функцию по отношению к современной ей культуре (см.: Лотман Ю.М. К семиотической типологии русской культуры XVIII века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. С. 76).

В качестве такой упрощенной концепции наиболее приемлемой для целей нашего исследования будет «технологическая концепция», трактующая культуру как «универсальную технологию» осуществления специфического способа человеческой деятельности (см.: Хайрулин В.И. Указ. соч. С. 39). В основе этой концепции — аксиологический подход к культуре, поэтому она рассматривает систему ценностей как очень важный компонент той универсальной технологии, которая способствует осуществлению активности людей в процессе функционирования и развития их общественной жизни (см.: Маркарян Э.С. Исходные посылы понимания культуры как специфического способа человеческой деятельности // Философские проблемы культуры. Тбилиси, 1980. С. 16—44). Нетрудно убедиться в том, что культура толкуется здесь очень широко и под это понятие могут быть подведены и другие понятия, например: язык/речь, вербальное/невербальное поведение, социум (см.: Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурная специфика художественного текста: Конспект лекций.

М., 1989. С. 87) и, как нам представляется, перевод. Наличие здесь субъективного фактора, т.е. активного человеческого начала, позволяет рассматривать культуру и в качестве объекта интеллектуального типа. Под этим имеется в виду следующее: культура обладает специфическим аппаратом коллективной памяти и механизмами выработки абсолютно новых идей. Эти качества дают возможность подходить к культуре как к коллективному интеллекту, который структурно вторичен по отношению к индивидуальному и подразумевает его существование (см.: Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. М., 1977. С. 18).

В каждой культуре как в диахронии, так и в синхронии существуют предметные области, которые можно определить как уровни культуры. При этом культура выступает в качестве суперуровня. Уровни предметных областей являются объектами культуры, а ее субъектом служит деятель (человек, личность) в этой области. Культура на уровне своих предметных областей, среди которых и исследуемый нами перевод, дает человеку (переводчику) поле интеллектуальной деятельности (см.: Хайрулин В.И. Указ. соч. С. 43). Результатом усиленной переводческой деятельности в XVIII в. стало появление большого количества переведенных текстов различной тематики, способствующих как европеизации русского языка в частности, так и европеизации русской культуры в целом (см.: Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1982. С. 57).

Исследователь, как указывает Ю.М. Лотман, получает вместе с культурной традицией не только тексты той или иной эпохи, но и ее метатексты, ее тексты о текстах, которые придают исследуемому материалу целостный и организованный вид (см.: Лотман Ю.М. К семиотической типологии русской культуры XVIII века. СПб., 2002. С. 77). Метатекстами, по Ю.М. Лотману, можно считать оставленные переводчиками XVIII в. предисловия, комментарии, предисловия и критические замечания.

Таблица 1

Переводческие проблемы

	Критерии выделения переводческих проблем									
	Главные			Второстепенные						
	Прямые или косвенные высказывания переводчика, что он испытывает трудности	Указания на обращение к словарю	Проблемы в переводе, осознанные переводчиком	Обсуждение переводчиком двух или более альтернативных вариантов перевода	Внесение исправлений в текст перевода	Подчеркивание каких-то (трудных) мест в переводе	Высказывание переводчиком неудовлетворенности результатами перевода	Обращение в ходе рассуждения к общетеоретическим принципам перевода	Ошибки в переводе	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	

А.Д. Кантемир (1708—1744), князь, русский поэт, переводчик, дипломат, тайный советник. Был первым переводчиком иностранной светской литературы на русский язык (см.: Энциклопедия книжного клуба «21 век»: В 20 т. Т. 8. М., 2001).

Предисловие к «Письмам» Горация (1742) (см.: Перевод как средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика. М., 1987)

...Ведаю, что такие стихи иным стихами, затем недостатком рифмы не покажутся; но ежели они изволят прилежно примечать, найдут в них некое мерное согласие и некий приятный звон, который, надеюсь, докажет, что в сочинении стихов наших можно и без рифмы обойтись

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В.К. Тредиаковский (1703—1768), рус. писатель, академик, переводчик при Академии наук. «Из предупреждения от трудившегося в переводе. — Барклай. Аргенида» (1751) (там же)	...Мне, переводившему и по должностям об уразумении старавшемуся, каждай параграф, каждай период, но что период, каждай член периода, не мог не стать не в превесьма дорогую цену: т.е. что я через все предложение перевода толикую имел трудность, которая, по совести, изобразить невозможно		...Для постижения его высокопарности ... надлежит иметь подобные ему крыла. Знают искусные, что кому «Аргениду» случилось переводить, тому довольно в свете досталось трудиться			В ожидании себе благоклонного снисходительства от читателей доношу им, что авторов стиль не токмо чрезвычайно высок... но притом чрезвычайно еще и витиеват...			
М.В. Ломоносов (1711—1765). Предисловие к «Вольфианской экспериментальной физике» (1760) (см.: Вольфианская экспериментальная физика с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на русский язык перевел М. Ломоносов... СПб., 1746)						Сверх того я принужден был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако, надеюсь, что они со временем через употребление знакомее будут	Я уповаю, что склонный читатель мне сего вину не поставит, ежели ему некоторые описания опытов не будут довольно вразумительны	...Которые в российском переводе по силе моей старался я изобразить яснее	

Метатексты представляют собой исходный материал для изучения становления отечественной переводческой деятельности в парадигме культурологии. Для их анализа предлагается провести своего рода психолингвистический эксперимент с участием информантов, используя при этом известный в психологии метод «думанья вслух» (think aloud / die Methode des lauten Denkens) (см.: Krings H.P. Was in den Koepfen von Uebersetzern vorgeht. Tubingen, 1986). Учитывая необычность проведения данного эксперимента (диахрония), необходимо оговорить ряд принятых нами допущений. Условимся считать, что участниками нашего эксперимента являются переводчики XVIII в., переводившие тексты с иностранного языка на русский, сопровождая свои переводы теоретическими рассуждениями, объясняя, почему нужно было перевести именно так, а не иначе, и записывая их. В результате этого были получены протоколы эксперимента (т.е. предисловия, комментарии, предупреждения и т.п. с мыслями переводчиков, приходившими им в голову в процессе перевода). Следует отметить, что высказывания, представленные в данных метатекстах, рассматриваемых в качестве протоколов эксперимента, являются, на наш взгляд, более достоверными, потому что переводчики излагали свои суждения в естественной обстановке, тогда как протоколы реальных экспериментов отража-

ют несколько искусственный вид перевода в неестественной обстановке (например, проговаривание перед микрофоном своих мыслей в процессе перевода).

В ходе изучения высказываний испытуемых (протоколов эксперимента) были получены представленные в табл. 1 фактические данные, для оценки которых использовались разработанные Х. Крингсом критерии выделения переводческих проблем, т.е. тех случаев, когда переводчик затрудняется сразу дать перевод (см.: Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: Учеб. пособие. М., 1999. С. 91—92).

Анализ примеров показывает, что возникновение переводческих проблем обусловлено как дефицитом у переводчиков каких-то знаний, так и необходимостью выбора среди каких-то уже известных им вариантов. Приведенные высказывания переводчиков дают также возможность дифференцировать переводческие проблемы на проблемы, связанные с трудностями понимания, и проблемы, связанные с трудностями передачи. Кроме того, эти высказывания способствуют выявлению переводческих стратегий как потенциально осознанных планов переводчика, направленных на решение конкретной переводческой задачи, а именно микро- и макростратегий, т.е. способов решения целого ряда переводческих проблем и путей решения одной проблемы (табл. 2).

Таблица 2

Переводческие стратегии		
Протоколы эксперимента	Макростратегии	Микростратегии
А.Д. Кантемир	Перевел я те «Письма» на стихи без рифм, чтоб по-близку держаться первоначального, от которого нужда рифмы часто понуждала бы меня гораздо отдаляться	
В.К. Тредиаковский		...Латинский язык и не может употребляться в единственном числе, во втором лице, множественного <i>вы</i> вместо <i>ты</i> : однако я везде, где или знатных людей между собою производятся разговоры, или с ними кто из нижайшего состояния разговаривает, употребил оное нежное <i>Вы</i> за важное <i>Ты</i>однако ж употреблял я и единственное <i>Ты</i> , когда или высокая какая особа говорит с подлою, или провешатель о чем прорицает: употреблено также <i>Ты</i> и во всех здесь стихах

Учитывая, что с точки зрения макро-стратегии в процессе перевода выделяются три этапа — *предпереводческий анализ оригинала, собственно перевод*, а

также *проверка и коррекция перевода*, необходимо особо указать на наличие в протоколах эксперимента первого этапа (табл. 3).

Таблица 3

Этапы перевода			
Протоколы эксперимента	Предпереводческий анализ оригинала	Перевод	Постпереводческая обработка текста
А.Д. Кантемир	Между всеми древними латинскими стихотворцами, я чаю, Гораций одержит первейшее место. Удачлив в составе речений, искусен в выборе прилагательных, смел в вымыслах, изображает оные с силою и сладостию. В сочинениях его делу слог соответствует, забавен и прост в сатирах и письмах своих, высок и приятен в своих песнях; всегда сочен и так наставлениями, как примерами к исправлению нравов полезен. ...выбрал я его «Письма» для того что они больше всех его других сочинений обильны нравоучением. Почти всякая строка содержит какое-либо правило, полезное к учреждению жития		
В.К. Тредиаковский	Всем искусным в латинском языке и читавшим моего автора есть известно, что он употребил крайне высокий стиль, распещряя его, как некоторыми цветами, важнейшими тропами и самыми красными и выборными фигурами как слов, так и целых речей; все ж сие богатство рассыпая толь щедрою рукою, что почитай, нет ни единого места или, справедливее, нет ни единого, где б обыкновенная ему высоты не было...		
М.В. Ломоносов	...Ибо сия книжица почти только для того сочинена, и ныне переведена на русский язык, чтобы по ней показывать и толковать физические опыты, и потому она на латинском языке весьма коротко и тесно написана, чтобы для удобнейшего употребления учащихся вместить в ней три книги немецких, как уже было упомянуто (на нем. языке это было три книги, которые проф. Тиммиг, переведя на латынь, сократил до одной). При том же сократитель сих опытов в некоторых местах писал неясно...		

В отличие от испытуемых Х. Крингса, которые не задумываются о цели перевода, функции оригинала, характере адресата, для кого они предназначают перевод, протоколы участников нашего эксперимента содержат еще ряд высказываний, релевантных для современного переводоведения (табл. 4).

Приведенные выше факты подтверждают, что перевод как уровень культуры действительно можно рассматривать в качестве важной ментальной креативно-акциональной составляющей универсальной технологии осуществления интеллектуальной деятельности людей.

Дополнительные сведения по теории перевода

Протоколы эксперимента	Характер адресата (рецептора)	Прагматическая норма перевода (прагматическая ценность)*	Норма переводческой речи	Жанрово-стилистическая норма перевода	Конвенциональная норма перевода**
А.Д. Кантемир	...Я предпринял перевод сей не только для тех, которые довольствуются просто читать на русском языке «Письма» Горациевы, по-латински не умея; но и для тех, кои учатся латинскому языку и желают подлинник совершенно вразуметь	К тому мне столь больше надежда основана, что те введенные мною новые слова и речения не противятся сродству языка русского и я не оставил оных силу изъяснить в приложенных примечаниях. Нужнее еще было изъяснить обычаи древние, обряды и другие вещи, и имена лиц, о которых в «Письмах» горациевых упоминается, понеже без того не только мало бы услаждение читатель от них получить мог, но часто были бы и совсем невразумительны. ...примечания большую часть труда... составляют...			
В.К. Тредиаковский	...И поистине перевода моего не будет уже читать грубых времен нового-родка Марфа-посадница: он сделан нынешнего учтвого и выщеченого...	Итак старался я сколько мне было возможно, чтоб переводу моему быть вразумительну и иметь бы ему довольную ясность к угодности читателей. Однако, чтоб и перевод не казался без оных пиитических осанки нигде больше, сколько сему роду сочинения благопристойны: то было во мне тщание, дабы и у меня ей быть рассеянной по всем периодам, только ж бы без вреда желаемой всеми ясности	Сверх того, я смею донести, и что почитай ни одного от меня в сем сего автора токмо переводе не употреблено чужестранного слова, сколько бы которых у нас ныне в употреблении ни были; но все возможные изобразил нарочно, кроме митологических, славенороссийскими равномерными речами. ...сим я последовал точно нынешнему учтивейшему употреблению	...Ибо род ...Поступил я точно по употреблению того требовали... стихотворческого и пиитическая надобности...	

* Влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремление обеспечить желаемое воздействие на рецептора.

** Учет существующих на определенном историческом этапе строго определенных взглядов на цели и задачи перевода и пути достижения этих целей.

Проанализированные нами высказывания переводчиков XVIII в. служат примером проявления индивидуального интеллекта, что предполагает существование и **коллективного интеллекта**, т.е. того, что называется сегодня теорией пе-

ревода. Его дальнейшее изучение в парадигме культурологии будет, как нам представляется, способствовать гармонизации переводческой картины мира в ментальной реальности обучающихся переводу студентов.

Поступила 05.06.03.

КРЕАТИВНОСТЬ И ПЕРЕВОД

*Л.М. Урубкова, зав. кафедрой зарубежной и отечественной филологии
Рязанского государственного медицинского университета, доцент*

Исследование проблемы креативности показывает, что процесс познания, общения с миром, овладения языком, переводом есть творчество. Творчество переводчика формируется посредством становления самостоятельности в переводческой деятельности: развитие умений выдвигать цели, гипотезы, руководствоваться мотивами, находить условия выполнения действий, способы воссоздания смысла в переводе. Творчество означает владение критико-рефлексивным действием, которое направлено на познание Другого как объекта, и установление в результате этого действия коммуникативных отношений между культурами — личностями. В обучении переводческой деятельности необходимо формировать осознание переводчиком силы воздействия языка, понимание значения знака как коммуникативного со-бытия в едином смысловом пространстве, умение соединить участников коммуникации в социокультурном взаимодействии.

The investigation of the problem of creativity shows that cognition, communication, translation, and creativity are inseparable. Understanding a text, determining the aims of translation, making hypotheses about the meaning of language signs, the conditions of translation, the ways of handling difficulties are creative skills. In the process of training translators there should be developed creative critical reflective components of the translation activity which could help to understand the intention of the communication partner, to establish communication. A translator should be aware of the ability of language signs to unite people in one communicative space, he should be able to make people understand each other in social interaction.

Проблема креативности в обучении является предметом многих исследований (В. Гумбольдт, Ж. Пиаже, М.М. Бахтин, А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин, А.Е. Михайлов, Н.В. Хазратов, Д.Б. Богоявленская, А.А. Гурова, Я.А. Пономарев, Ю.М. Лотман, Л.А. Петровская, У.В. Кала, С.Ю. Канн, О. Шушляпин, Е.Н. Князева, С.Д. Смирнов, F. Dallmayr, W. Lee, E. Торранс, Р. Тафель, Э. Боно, К. Роджерс). Креативность общения, мышления обусловлена самой природой языка. В. Гумбольдт понимает язык не как нечто созданное, *Erzeugtes*, а как процесс создания, *Erzeugung*, как «образующий орган мысли». Г. Штейнталь, А.А. Потебня, Ф. Соссюр, Ч. Пирс, Ч. Моррис исследуют язык как процесс создания мысли в общении, познании, как взаимодействие, семиозис; они утверждают, что язык представляет собой деятельность и процесс творчества. Владение и овладение языком есть творческий процесс, про-

цесс развития творческих способностей личности.

Основываясь на высказывании Ж. Пиаже, согласно которому «знание мира не создается, а открывается», можно утверждать, что весь процесс познания, учения есть творчество, поскольку каждый человек познает мир в обучении, взаимодействии, коллективной деятельности.

Овладение языком, переводом и творчество неотделимы друг от друга. В то же время существует взгляд на перевод как на «одну из многочисленных репродуктивных техник» (Юдина Г.В. Перевод как репродуктивное действие в процессе межкультурной коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 1998. № 3). Действительно, с точки зрения содержания, создаваемого и передаваемого при переводе, его можно рассматривать как репродуктивное действие. Но перевод как процесс воссоздания особенностей культуры языкового сообщества,

© Л.М. Урубкова, 2003